

МАКСИМ ШМЫРЁВ

ПОСРЕДИ ВЕЛИКОГО ЯНВАРЯ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш75

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

В оформлении обложки используется фотография из музея Oslo Museum:

<https://www.oslobilder.no/OMU/OB.Y1516/image/55276>

Norsk bokmål: Juleforberedelser, et søskenpar avbildet ved Kirkeristen i Oslo.

Дата: 1905

Источник: Oslo Museum: image no. OB.Y1516

(Byhistorisk samling), via oslobilder.no.

Автор: Anders Beer Wilse (1865–1949)

Шмырёв, М.

Ш75 Посреди великого января. — М.: Тотенбург, 2025. — 130 с.

В книгу Максима Шмырёва вошли сборник стихотворений «Посреди великого января», стихотворения в прозе, объединенные в разделе «Хранитель Павших флагов» [Дополнение] и рассказы. Сборник стихотворений — второй после «Снов Павла» и наследует его темы русской истории, чудес и фантазмагорий. В дополнении к «Хранителю Павших флагов» продолжается исследование прошлого, смысла и образов времени. Два рассказа посвящены 1990-м годам, третий же — своего рода дополнение к «Трем разговорам» философа Владимира Соловьева с открытым финалом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Максим Шмырёв, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПОСРЕДИ ВЕЛИКОГО ЯНВАРЯ	7
ХРАНИТЕЛЬ ПАВШИХ ФЛАГОВ [Дополнение]	55
РАССКАЗЫ.....	93
Светкины картинки	95
Экстремизм.....	107
Рассвет	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бесконечность листопада

Заметки о поэзии Максима Шмырёва

...странная, алогичная, причудливая вселенная Максима Шмырёва легко уживается с Русской Тоской, а может, и с Русской Вечностью, если только это не одно и то же. Ей не нужны причинно-следственные связи, не нужны хронологические рамки — она вбирает в себя бесконечное время русского листопада, потому что, пока падает на землю жёлтый лист, она успевает исчезнуть в колеблющемся мареве тумана и вновь родиться с первым робким снегопадом...

В этой немыслимой и в то же время такой родной вселенной греется у партизанского костра Святой Царь Николай; пробирается по скользким петербургским переулкам босой старец Григорий; досматривает последние сны император Павел; стучит острыми каблучками по итальянским виа, спешит к своему возлюбленному Бенито Клара Петаччи; серебрясь, проплывает по реке Владимир Игоревич Карпец... А святые последних времён идут и идут вечным дозором по этой земле, то пылающей огнями смут и пожаров, то затихающей в молитвенном созерцании невесомых снежинок, жёлтых листьев, уходящих прямо в небо, к своей конечной станции, старых городских трамваев.

Смерть и жизнь не просто меняются в этом мире местами; они взаимопретекают друг в друга:

*Умер и удивился —
Как же всё снова так?
Низкое небо мгlisto,
Сараи и лай собак.
Где-то кого-то трубы,
Возможно, зовут на суд.*

*Водопровода трубы
Тёплую воду несут
Здесь. Темнеют квартиры,
Все засыпают, вода
Струится — и всё, как было,
Было и будет всегда.*

Детали — сараи, собачий лай, водопроводные трубы — лишь подчёркивают растворение времени в вечности, рождая осторожное ощущение будущего бессмертия, которое безусловно достижимо, стоит лишь очутиться в одном из населённых или даже не очень населённых пунктов этой вселенной, скажем, в деревне, названия которой мы, конечно, не знаем, да это и необязательно, потому что

*Не скажут «тебя не было».
Не скажут «тебя уж нет».
В деревне, где белый-белый
Падает снег на свет.*

В этой деревне, в которой, без всякого сомнения, удалось побывать автору, прашуры «тайны небес взыскуют и запирают ад». И читателю начинает казаться — и слава Богу, что так! — он существует на этом белом свете только благодаря этой незримой, сокровенной работе, да и не только он сам, весь этот белый свет... И таким утешением для всех странников и изгнанников (а кто же из нас не странник и не изгнанник?) звучат эти слова:

*Все дороги приводят в дом,
Даже просёлки из ада.*

Максим Шмырёв и созидает с Божией помощью этот Дом — наверное, в той самой деревне, а может, везде и нигде. Удивительная ритмика стиха заставляет то пройтись маршем, то неспешно побродить по засыпанным жёлтыми листьями аллеям в неизменном сопровождении таинственного спутника, например «доброе, но только игуменно-

строного» ноября, или ветра из ниоткуда, или мобилизованного мужчины, или эвакуированной бабушки со своей вечной кошкой. Самое главное — мы знаем, что так или иначе, по пылающим краям неба или по «мокрому снегу, раскисшей дороге», в сопровождении Ивана Карамазова или рядового Сергеева, а то и просто сказочного Колобка — мы всё-таки обязательно вернёмся в этот Дом, мы обязательно придём к нему, и уж тогда никто и никогда не отнимет от нас этой радости. Максим Шмырёв обещает нам это.

Юрий Попов

**ПОСРЕДИ
ВЕЛИКОГО
ЯНВАРЯ**

Засыпая, сочинил несколько удачных строчек стихотворения, но не записал их — подумал, что не забуду утром, и, конечно, забыл. Помню только «великий январь» — посреди «великого января».

Просыпаясь, в полудрёме, видел написанный на бумаге текст и пытался его запомнить — о сотворении ангелов среди зимы. Проснувшись, всё забыл, кроме лёгкой, почти неуловимой мелодии.

А ярко запомнился только большой бумажный телефон, звонить по которому надо было продёргивая в отверстие бумажки с номерами, со старыми открытками вместо цифровых фотографий.

СЕРГЕЕВ

У рядового Сергеева
Оторвало ногу.
Заполз он в кусты у дерева
И умер там. Понемногу
Отходила пехота,
Вражеская батарея
Была, и стала рота
Наполовину мертвее.
Второй рядовой Сергеев
Штык очищал от крови
Между кустов-деревьев,
В сером холодном поле.
Не зная другого Сергеева,
Но тот вошёл в сознание —
Безногий, обнявший дерево,
В стылой весенней рани.
И стал тут двойной Сергеев,
А потом и троичный —
Убили ещё Сергеева,
Сергеев теперь многоличный.
Штык свой очищает,
Ползёт через болота.
Но писем не ожидает,
И сам он не пишет с фронта.

КОЛОБОК

Колобок катился ровно,
Вёл дивизию вперёд.
Шла дивизия на Ковно,
Барабан стучал, фагот
Славно пел. Но завалился
Колобок за горизонт.
И зарёй алеют лица,
Неизвестен дальше ход.
По подлеску люди бродят,
Затепают костерки.
Быт наладили, и вроде
Заблуждение с руки
Им сошло. Но манит Ковно,
И закат — вишнёвый сок —
Горизонт окрасил ровно.
Вдруг вернётся Колобок?

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

В смерть я углубился
Своей костяной стопой.
Морозна она и мглиста,
И цифири прибой,
Нагнетаемый ею,
Стучит в городские врата.
Полки, бодримы свирелью,
Наступают меж льда.
Ноги их костяные,
Череп из кости.
Эти пути прямые:
Так маршируем мы.
В дни Ледяного похода
Делимся меж собой
Чаянием восхода,
Отчаянною зарёй.

ФЛИБУСТЬЕРЫ

В некоем странном океане
Затерялись флибустьеры.
Опустение в стакане,
Запустенье — в смысле веры.
Их преследуют не волки —
Сёстры их, акулья стая,
Снегопады веют колки,
Паруса изничтожая.
Кто-то вспомнил порт знакомый,
Кто-то в песню выпел голос.
Океан шумит бездонный,
Океан, а дальше — Полос.
Как Господь распорядится
Кораблём сим прокажённым?
Крыса серая таится,
Медлит прыгать в чёрны волны.

ПРО ОДИНОКОГО МОРЯКА

Спущен флаг Конфедерации,
И часовой ушёл.
Индейцы дымят табаком в резервации.
И выходит на мол
Моряк, что пил полторы недели,
Забыл имена кораблей.
Смотрит куда-то, но видит лишь мели
В жизни пустой своей.
Видит он пляж опустевший, тёмный.
Некогда конквистадор
Шёл по песку, и шумели волны;
Затем ирландский боксёр
Кулаки омывал в прибое.
(Мафия шла за ним.)
Улицы, вывески, запах крови,
А далее — дым, лишь дым,
Дым в закусовых возле моря,
Где шумно — сидят, галдят,
Клерк пробегает мимо, и вскоре
Клерк попадает в ад.
В ад попадает его секретарша,
В ад попадает босс.
Мир больше не станет старше —
Словно дым папирос,
Что курят индейцы у древней секвойи —
Мир растворился, ушёл.
Только моряк сохранился в запое
И вышел один на мол.

ГЛУБЖЕ

Осознав, что не вынырнешь,
Начинаешь ценить виды:
Скалы, что вдаль уходят, лишь
Жаль, что дальше не видно.
Потому и внимание
Перносишь на рыбы стаи:
Алые водным пламенем,
Волны собой качая,
Кружатся в завихрении —
Пламенным водоворотом.
Дальше — акулы тени,
Глубже — вниз, к кашалотам.
Что охотятся в глуби,
В Средневековые позднем.
Глубже — и чудятся трубы,
Воспаренье ко звёздам
Обозначают в зове
Из чёрной поддонной стужи.
«Рыбак или рыба в ловле?»
Глубже, ещё глубже.

ПЁТР ТРЕТИЙ И ЖУК

Екатерина разверзла врата ада,
Совершив цареубийство.
Жук ползёт, ему много не надо —
Просто ползёт, без искания смысла.
Ползёт по мундиру, меж глаз, что закрыты,
Дальше — в парик, в снежно-белые кольца,
Будто в зиме — там, где волки не сыты,
Светит луна — то бандитское солнце.
Ждут они ведовства Пугачёва,
А он скитается — ветер в приволье.
Царствие взыщут, оно будет ново —
Полное хмеля, разбоя и воли.
Жук между тем миновал макушку,
Двигается средь табачного чада —
Через дворец в курную избушку,
Где-то поодаль открытия ада.

ОКНА РОСТА

Маяковский на иждивении в окнах РОСТА —
Из окон РОСТА выбраться очень непросто.
Кто-то углит в раме чёрным квадратом,
Некто размыт пятном, что художником скоробогатым
Нарисовано, — в общем, расплывчатым чем-то.
Окна стеклят темноту в дремотных болотах без света.
Пузыри там вздымает нечто, укрытое в глуби:
«Трубы звучат?» «Свиристит свисток, а не трубы».
Маяковский врисован в долгополые ставни,
Во все концы посылает стихи-шифрограммы,
Но понять в них что-либо сложно.
В окнах РОСТА холодно, сыро, безбожно.
К Брикам скребётся — увидеть Лиллю неглиже,
Но Брики не открывают, Брики гораздо ниже.
Так и бытует там — маяк без океана,
Моряк без земли, кинофильм вне экрана.
Только порой в окнах светлеет вроде:
Кто-то его прочёл и помянул Володю.

ЛИМБ

Умер и удивился —
Как же всё снова так?
Низкое небо мглисто,
Сараи и лай собак.
Где-то кого-то трубы,
Возможно, зовут на суд.
Водопровода трубы
Тёплую воду несут
Здесь. Темнеют квартиры,
Все засыпают, вода
Струится — и всё, как было,
Было и будет всегда.

ТАНКИСТ

Танкист обуглился в танке —
Не схоронил никто.
Встал он сам спозаранку
В сером гражданском пальто.
Были в пальто документы,
Но ныне — листья, цветы,
Ходит у края света
Возле звёзд, пустоты.
Воображает город,
Где он когда-то жил.
Околополюсный холод
Проникает до жил.
И, озирая дали,
Думает — это сон,
Проснётся в дыму и стали.
И согреется он.

БЕЛОЕ

Не скажут «тебя не было».
Не скажут «тебя уж нет».
В деревне, где белый-белый
Падает снег на свет.
Пусть изогнутой веткой
Отошёл от ствола.
Деревня сидит наседкой
Так же белым-бела.
Белые все её крыши,
Белые спины коров,
Прячутся белые мыши
От белоснежных котов.
Пращуры там векуют,
Зрят сквозь снегопад,
Тайны небес взыскуют
И запирают ад.
В деревне, где бело-бело
И звёзды летят на свет,
Не скажут «меня не было».
Не скажут «меня уж нет».

БЕЛЫЙ ДОМ

Вспоминаю короб
Дома, белый-белый.
Был я очень молод,
Год тогда расстрельный
Шёл, но мы не знали.
Поднимали знамя
Против серой стали —
Рыщущее пламя.
Родины не стало,
Родина искалась,
Смерть точила жало,
И скрывались в малость
Мы.
В тот дом с кострами,
Где всё честь по чести.
Небо открывалось —
Где все были вместе.
Где стремилось пламя
В ночь, многоязыко.
И парило знамя:
Чуждо, многолико.
Собирая вместе
Правь и суть России
В этом тёмном месте.
Грязные, сырые,
Мы сидели рядом.
Все, по сути, братья.
Дравшиеся с адом.
Счастье?..
Это счастье.

НАШ МАРШ

«Крестьянский серп, рабочий молот
Сплетаются в солнцеворот...»
Я умалился,
Стал я молод,
Запрыгнул в некий давний год.
Где оведали флаги стогны,
Лимонов выбривал виски
И через облачные волны
Грядущий вождь из-под руки
Глядел. И будущность светлела.
Казалось, суть обретена,
Так окрылялось маршем тело:
Весна-война, весна-война.
И, шествуя повдоль пассажа,
Что пребывает и донесь,
В ремнях, значках и камуфляжах
Мы были счастливы и здесь.